

Верить и надеяться

Новый памятник — как эмоциональный всплеск, как вскрик боли. Как напоминает этот падающий воин, распятый взрывом, фигуру Иисуса Христа! В этом символическом образе — чутко уловленный трагизм солдата сегодняшней России. Верный воинскому долгу и предначертанный нести святую защиту и оборону, русский ратоборец, ныне заболтанный и обманутый, вот уже почти девять лет вынуждаем властями России умирать в братоубийственной бойне. И трижды верна идея современного мемориала — отказаться от парадности, от нагнетания пафоса и попытаться осмыслить само существо войны, показать всю глубину солдатского, человеческого, вселенского горя. Автору памятника кемеровскому скульптору Валерию Треске удалось это осуществить.

351 человек. Эту цифру на митинге, состоявшемся в честь открытия монумента, назвал Аман Тулеев. Столько ребят из Кузбасса погибло в составе Вооружённых Сил в военных конфликтах в разных уголках света. Гибли наши во Вьетнаме, на острове Даманском, в Югославии, Нагорном Карабахе, Абхазии... особенно большой урон понесла наша юность в Афганистане и Чечне. Не случайно же в рождении памятника приняли активное участие воины-«афганцы» и солдатские матери.

Смотрю на памятную стелу мемориала, на которой выбиты фамилии и имена павших. Вот двадцать одна плита с именами погибших в Чечне, 195 фамилий. Сколько же молодых лиц незримо смотрят в глаза тебе, лиц наших земляков, ребят, о трагической судьбе которых писал «Кузнецкий край» в течение прошедших лет!

И я не отвожу взора. Я читаю: Климов, Дима Климов... Как сейчас помню январь 1995 года в Грозном. Вот я, Дима, по просьбе твоей мамы Любови, ожидающей в Моздоке, пытаюсь разыскать тебя в боевых порядках нашей юргинской 74-й бригады. Командиры заверяют меня, что с тобой — после самых страшных штурмовых дней и ночей — всё в порядке, я, окрылённый, везу эту весть на «большую землю», а через несколько дней ты, Дима, гибнешь. А ещё через некоторое время тебя, бездыханного, доставляют в Кемерово твоим родителям и сестрёнке в снаряжном ящике. Кирдяных, Женя Кирдяных... Сколько же месяцев, если не лет, пролежали твои останки в Ростове-на-Дону, в холодильнике 124-й военной криминалистической лаборатории, где проводилось их опознание! А теперь её саму «реорганизуют», эту лабораторию последней материнской надежды, или, может, простору закрывают, если ещё

В Кемерове на Пионерском бульваре торжественно открыт новый мемориал — в память кузбассовцам, погибшим в локальных войнах и военных конфликтах. Важное отличие его от других памятников в том, что он даёт нам новый стимул верить и надеяться. И не сдаваться.

Военный режиссер.

не закрыли. Как же теперь будут распознавать останки солдат?... Кравченко, Володя Кравченко. Как мы с твоей мамой Людмилой искали тебя, пропавшего без вести, по дорогам Чечни в октябре 1996 года! Не нашли. Прости! Ты уже к тому времени — в ночь на 1 января 1995 года — сгорел в Грозном вместе со всей 131-й майкопской бригадой. Но мы этого ещё не знали. И всё искали и искали тебя.

Все вы, ребята, теперь здесь, на памятнике. И здесь же — имена солдат, которые в моих списках с 1995 года продолжают ещё числиться как пропавшие без вести и, возможно, находящиеся в плену. Да, в установленном законом порядке за давностью лет они тоже признаны погибшими. Но занесение их имён на мемориал — это ни в коем случае не знак утраты надежды. Витя Кирпиков, Слава Бобарыкин, мы по-прежнему верим, что вы живы. И верим, что живы и другие ваши товарищи и что вы ещё вернётесь домой всем смертем назло.

Андрей ОРЕКОВСКИЙ,

«Кузнецкий край»

На фото: автор, 10. 8. 1998.